

Глава 13.

МОЖЕТ ЛИ ИНТЕРНЕТ ЗАМЕНИТЬ КНИГУ?

(заметки философа)

В.Ю. Даренский
Луганский государственный университет внутренних дел
им. Э.А. Дидоренко,
г. Луганск, Украина

Интернет заменяет книгу, как интернат родителей.

О. Бешенковская

[Цит. по: 11].

В статье анализируется специфика книги как феномена культуры. Показана функция книги как важного средства целостного осмысления мира. Предложен компаративный анализ книги и текстов Интернет как средств воздействия на психику и экзистенцию человека.

Постановка проблемы. Вопрос «Может ли Интернет заменить книгу?» в последние годы все чаще появляется в качестве предмета обсуждения, как в периодических печатных изданиях, так и на страничках того самого Интернета, чье видимое всеислие этим вопрошанием и ставится под вопрос. Некоторые типичные мнения, обнаруженные там, будут приведены далее, но в начале следует уточнить, о чем же на самом деле идет речь в самом этом вопросе. Это работа в первую очередь философа, чья профессиональная деятельность всегда состоит в прояснении смыслов, уже существующих, и в поиске и обосновании тех, которых еще нет. Поставленный вопрос – это в первую очередь вопрос об образе человека будущего; о том, каким человек может и хочет стать.

Анализ последних исследований и публикаций. Первым этот вопрос поставил философ и писатель Умберто Эко еще в середине 1990-х годов. Его ответ был основан на углублении в самые первые размышления о смысле самого письма, принадлежавшие Сократу. Сократ же, как известно, считал письмо вредным изобретением, от которого деградирует человеческая память. В ответ на это У.Эко

вполне обоснованно замечает: «если когда-то память тренировали, чтобы держать в ней факты, то после изобретения письма ее стали тренировать, чтобы держать в ней книги. Книги закаляют память, а не убаюкивают ее» [4, с. 4]. Этот ответ, казалось бы, чисто «технический», связанный лишь с тренировкой памяти – но это лишь на первый взгляд. В действительности же, он погружает наш вопрос в глубину фундаментальной философской категории *памяти* как способа бытия прошлого в настоящем. И у книги, как видим, в этом способе бытия есть свое ничем не заменимое место.

Современная львовская исследовательница М.Зубрицкая «Homo legens: читання як соціокультурний феномен» (2004) использует еще одну метафору, идущую из античности, для прояснения особого экзистенциального смысла *книги как замкнутого, целостного внутри себя смыслового пространства*: «процессуальность творческих поисков homo legens, его попытки отыскать свою жизненную точку опоры с помощью литературы – это попытки, очень напоминающие стремление Архимеда найти гипотетическую точку вне Земли, которая давала бы возможность всеохватывающе и незаангажированно смотреть и видеть человеческий мир как на ладони» [6, с. 316]. Итак, книга как конкретная целостность смысла и структурная замкнутость текста – это именно точка, причем точка, имеющая невероятную претензию стать «внеземной» точкой опоры. И эта претензия более чем законна, ибо порождена самой глубинной структурой человеческой экзистенции – неизбывным поиском и воспроизведением осмысленности бытия. И совершенно очевидно, что такой точкой никак не может стать «мозаичность» текстов, аморфная и неохватная «ризом», насквозь доступная в Интернете. И именно поэтому электронный текст никогда не сможет заменить Книгу – ибо только Книга есть *живая индивидуальность целостного Смысла*, а не просто какой-то фрагмент текста на светящемся экране. Далее мы конкретизируем этот тезис.

Итак, с самого начала понятно, что уже существующие книги никто уничтожать не собирается, каких бы чудес не достигла техника. Книги сами по себе такие же ценные памятники, как, например, старые здания, монеты или музыкальные инструменты. С другой стороны, понятно, что чтение текстов книг в электронном формате само по себе пока что не отменяет книгоиздания. Но может ли отменить в будущем? Это уже ближе к сути вопроса. Ведь на

самом деле речь идет о том, несет ли *живое человеческое восприятие* книги в себе нечто такое, чего никогда не смогут дать строчки на светящемся экране?

И уже самый непосредственный опыт заставляет признать: да, несет. Но что же это такое, как это объяснить, и, наконец, что это нам говорит о самой сущности книги как ничем не заменимого явления культуры?

Вот некоторые типичные объяснения этого опыта незаменимости книги, которые можно найти в современных дискуссиях на эту тему:

«Считаю, что запаха новой книги, ощущения от переворачивания свежих страниц ничто не заменит. Да и вообще, чего стоит само чувство того, что держишь в руках новую книгу. Думаю, печатные книги не исчезнут никогда».

«НИКОГДА! люблю понюхать странички, потрогать переплет... книги – это вечное...» [14].

В таком «физиологическом» восприятии книги на самом деле таится нечто большее: здесь книга воспринимается не как безличный «текст» о чем-то, но как *устойчивый факт целостного жизненного мира человека*, с которым он вступает в какие-то интимно-доверительные отношения. Иными словами, книга становится не только «источником знаний» или эстетических вдохновений, но неким *соучастником нашей судьбы*. Обычно соучастником весьма скромным, о котором мы вспоминаем лишь изредка, но иногда и таким, который определяет решающие повороты жизни нашей души и ума. У большинства людей есть такие «решающие» книги (хотя часто они сами этого и не осознают).

Впрочем, как это ни странно, такое восприятие книги свойственно далеко не всем, иногда им обделены даже «профессиональные» писатели (очевидно, в силу избыточного профессионализма). Вот что, например, говорит об этом популярный ныне романист Б. Акунин:

«Я думаю, что в скором времени бумажная книга станет объектом коллекционирования, а нормальной формой существования текста будет книга безбумажная, т.е. электронная. И это, по-моему, правильно. Во-первых, жалко переводить леса на целлюлозу. А во-вторых, электронная книга дает массу дополнительных возможностей» [7].

Однако такое мнение является, скорее, исключением из правил. Так, в интервью, проведенном газете «Литературная Россия» (№ 48. 01.12.2006) на тему «Заменит ли Интернет книгу?» были получены следующие ответы:

«Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ:

Книга и интернет – два самостоятельных вида культуры. При этом надо учитывать, что книга – древнейший вид культуры, а интернету – всего лишь несколько десятков лет. Поэтому интернет не только не вытеснит, но, наоборот, на мой взгляд, усилит, возвратит интерес к книге. Хотя, несомненно, какая-то часть людей теперь читает литературу только с экрана. Я бы охарактеризовал отношения книги и интернета как братья-враги.

Вадим ПАНОВ:

Скорее всего, книга и интернет будут существовать вместе, дополняя друг друга. Другой вопрос, чего будет больше – цифровой или бумажной литературы. Мне кажется, книга, художественная книга, сохранит свои позиции. Тут во многом всё зависит от восприятия текстов. Сужу по себе. Читать тексты с экрана у меня не получается: не могу полностью погрузиться в художественный мир; экран отвлекает, не даёт сосредоточиться.

Дмитрий ОРЕХОВ:

Нет. Потому что книга – это нечто изысканное. Любовь человека к книге, к библиотеке не пропадёт... что тиражи книг хоть и падают, зато качество полиграфии становится лучше. Книгу, по крайней мере, приятно держать в руках.

Валентина ТИШКОВА, учитель начальных классов:

Уверена – нет. Магия бумаги настолько сильна, что книге гибель не грозит. Даже относительно дешёвые карманные компьютеры, в которые можно вбивать тексты произведений, малопопулярны. Люди предпочитают читать в метро именно книги. А тем более – дома, лёжа на диване... Но как источник информации интернет необходим» [5, с. 3].

Таким образом, опрошенные писатели, литературоведы и педагог в обоснование своего мнения приводят аргументы, взятые из обыденного опыта. Таких аргументов достаточно, чтобы самому не отказываться от книги, но не достаточно, чтобы убедить в этом других. Далее мы попробуем изложить ряд аргументов, которые бы имели общезначимый характер. *Целью* данной статьи является ответ на

поставленный вопрос в философско-антропологическом аспекте, связанном с сущностью человека и ее проявлениями в культуре.

Начнем, как это ни странно, с замечаний, которые в какой-то степени оправдывают мнение о том, что бумажные книги отжили свой век. Во-первых, дело в том, что сама книгоиздательская практика последнего полувека уже подготовила пренебрежение к книге тем, что сделала книгу «ширпотребом» по качеству и способу своего изготовления. До середины XX века художественные книги обычно были хорошо оформлены, иллюстрации создавали для нее особое «живое лицо». Обычно само издание в какой-то мере было художественным произведением, вступающим в резонанс с содержащимся в нем текстом. Над книгами работали «архитекторы» книги – художники-оформители. В них было много архитектурных украшательств: заставки, фигурные инициалы, рамки, концовки, выбор шрифта и др. Книга обычно радовала глаз благолепием и смотрелась, как символ и загадка. Обычно книгу покупали не сразу, копили на нее деньги, некоторое время созерцая ее на полке магазина – и еще не прочитанная, она уже становилась неким знаком будущей судьбы, обрастала ожиданиями. Тогда и чтение становилось неким, пусть и маленьким, открытием тайны, сбыванием созревшей мечты. Но вот появилась дешевая книга в самом простом переплете – и все вышеописанные переживания исчезли. Таковую книгу, действительно, без всяких проблем можно заменить электронным текстом.

Во-вторых, до XX века едва ли не в большинстве семей существовала традиция семейного чтения хорошей художественной книги. Это чтение имело характер не только просветительский, но и было своеобразным ритуалом, объединявшим семью общими мыслями и переживаниями. (Исторически такое чтение стало «заменителем» чтения вечернего молитвенного правила, которое было в православных семьях, в какой-то степени переняв его функции). Но в современном мире, где интересы поколений различны, а семья вообще не так часто собирается вместе, эта традиция исчезла. Для большинства современных людей она вообще показалась бы смешной. Но, соответственно, и сама книга утратила свой «ритуальный», семейный характер. Теперь каждый находит нужные ему тексты индивидуально, и все чаще именно в Интернете.

Впрочем, в былые времена «ритуальное» восприятие Книги как некоего друга, советчика и спутника жизни имело место и в сугубо

индивидуальном чтении. Английский писатель-романтик, современник А.С. Пушкина, Ли Хант очень тонко передал это ощущение самого *присутствия* книг как особого состояния души, которое ничто не может заменить: «зимой, уединившись у себя в кабинете... я задумался о том, как я люблю авторов этих книг; люблю не только за те радости, которые приносит чтение, но и за то, что они научили меня любить сами книги и радоваться самой их близости» [9, с. 122]. Многие ли из современных людей поймут, о чем здесь сказал автор?

Наконец, в-третьих, многие пороки в восприятии электронного текста, свойственные «обитателям Интернета», на самом деле существовали и ранее в форме так называемой библиомании. Французский классик XIX века Шарль Нодье в новелле «Библиоман» показал тот особый тип любви к книге как таковой – как особому явлению, вызывающему восхищение и любовь, но который, однако, приводит к результатам, прямо противоположным тем, ради которых книги создаются. Его герой, библиоман господин Тур «потратил так много сил на бесплодное изучение буквы множества книг, что у него не хватило времени постичь их дух» [10, с. 48]. Основной его интерес неизменно состоял в коллекционировании книг именно как уникальных артефактов, – естественно, что большинство книг при этом им читались, но с одной целью: просто, чтобы лучше с ними познакомиться, а отнюдь не для того, чтобы самому измениться под их влиянием. Иными словами, здесь книги *не изменяли жизнь, а подменяли жизнь*. Зато огромный и кропотливый труд коллекционирования давал библиоману особое ощущение своей избранности, своей особой значимости для всего человечества. Как с иронией замечает сам автор: «Даже если все плоды типографского искусства погибнут во время революции, которая не замедлит разразиться в результате постоянного совершенствования нашего общества, это не помешает господину Туру оставить потомкам полный каталог универсальной библиотеки. Без сомнения, предусмотрительность, с которой господин Тур загодя начал составлять опись нашей цивилизации, достойна восхищения. Через несколько лет это уже никому и в голову не придет» [10, с. 42].

В восприятии электронных текстов нетрудно увидеть полную аналогию тому, что ранее было бесплодной библиоманией: 1) жадное проглядывание и коллекционирование текстов с утратой навыков вдумчивого чтения (неумение «постичь их дух»); 2) иллюзорное

везднайство, возникающее вследствие быстрой доступности любого текста, где мировая «сеть» и представляет собой тот самый «полный каталог универсальной библиотеки». Так две эти крайности парадоксальным образом сходятся: отказ от книг в пользу «сети» оказывается движим теми же самыми пороками человеческого мышления, вследствие которых ранее возникал и книжный фетишизм – «библиомания»!

В этом контексте весьма интересны и психологические особенности «обитателей Интернета» – главных «потребителей» электронных текстов. Интересные результаты даёт исследование Н.В. Чудовой, которая, используя проективные методики психологического исследования, установила, что для «обитателей Интернета» характерны следующие проблемы: 1) сложности в принятии своего физического «Я»; 2) сложности в непосредственном общении; склонность к интеллектуализации; 3) чувство одиночества и недостатка взаимопонимания. При этом исследователь отмечает для анализируемой группы склонность к негативизму, фрустрацию потребностей, компенсацию тревоги бунтарством и отказом от общепринятых норм, а также завышенные представления о своем идеальном «Я». В эмоциональной сфере «обитатели Интернета» стремятся к снижению напряжённости, используя три основных приёма: стремление решать любые жизненные задачи только интеллектуальными средствами; подчёркивание «уникальности» своей личности в качестве защиты от внешней социальности; негативизм и отвержение социальных норм. Поэтому «внутреннее одиночество, – отмечает исследовательница, – в такой картине мира становится системообразующей категорией, а в общении ведущим оказывается информационный компонент» [Цит. по: 3]. Но ведь это тот самый портрет «библиомана»! «Обитатель Интернета» может жадно читать очень многое – но отнюдь не для того, чтобы самому измениться под влиянием читаемых «текстов», не изменить и возвысить жизнь, но, наоборот, чтобы лишь защитить свое хрупкое неизменное его с помощью иллюзии причастности к «гиперреальности». Этот термин ввел Жан Бодрийар для обозначения такой ситуации, когда «ирреальность» подлинной жизни компенсируется огромным избытком текстуальности, в которой можно играть в «жизнь» [1, с. 125].

Но человек, привыкший к такому восприятию любых «текстов», не способен уже воспринять книгу не как «текст», но именно как Книгу в символическом смысле – как *особый мир, в котором нужно уметь жить и своей, и ее собственной подлинной жизнью*. Что это значит? Книга как Книга – независимо от того, кем и чем она написана, всегда есть, как говорит нам П.Клодель, «лаборатория воображения, экран для лучей волшебного фонаря, где дух, не удовлетворенный грубым скоплением живых существ и событий в повседневной жизни, пытается с помощью вымысла упорядочить мир, установить ясные и гармоничные соотношения» [8, с. 160]. А ведь это нечто прямо противоположное тому, чем занят человек, лишь читающий «тексты» ради погружения в «гиперреальность»! Вместо мира, упорядоченного в Космос, обитатель «гиперреальности» погружен в хаос «мозаичности» любых легко доступных «текстов». Для того чтобы научиться воспринимать Книгу, знаток «текстов» нужно в своем сознании сделать поворот на 180 градусов. Не случайно последнее эссе Умберто Эко на эту тему называется «От Интернета к Гуттенбергу» [13] – ведь теперь человеку, поработавшему современными информационными технологиями, нужно научиться проделывать обратный путь – к истокам и базовым навыкам культуры, которые им прочно забыты.

Общение с как Книгой относится именно к таким навыкам. Книга имеет границы своего текста – и это учит человека вычитывать всеобщий смысл в ограниченном пространстве ее темы и сюжета – и точно также, по бытийной аналогии – находить универсальный, неотменимый смысл уже и в своей собственной судьбе, также начинающей восприниматься как незаконченная книга. Это, собственно говоря, один и тот же процесс: чтобы воспринять книгу как Книгу, нужно самому стать «книгой», книгой свободно творимой своей собственной судьбы. *Книга есть символ судьбы, поскольку замкнута на себя и открыта Другому*. В «гиперреальности», в «мозаичности» легко доступных «текстов» этого нет – и поэтому там нет, и не может быть Книги.

Культура восприятия текста как Книги исторически происходит из великих религиозных традиций и возникла в процессе чтения и осмысления священных текстов, являющих Слово Божие. Позднее, в эпоху книгопечатания, этот навык был перенесен и на книги светские – научные, художественные, учебные. Это была эпоха Модерна.

Кризис Модерна протекает в форме общего явления, которое можно условно назвать *неоварварством* как доминантой современной цивилизации. Впервые об этом писал еще Х. Ортега-и-Гассет: «по отношению к той сложной цивилизации, в которой он рожден, европеец, входящий сейчас в силу, – просто дикарь, варвар, поднимающийся из недр современного человечества» [Цит. по: 12, с. 204]. Главной причиной этой вторичной варваризации является формирование «потребительского общества», в котором оказывается «избыточным» все, что выходит за рамки индивидуализма и прагматики – стремления ко все большему комфорту и удовлетворению витальных потребностей (которые становятся все более искусственными), – в первую очередь, базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные нами от «традиционного общества». Способность общения с Книгой – это как раз один из таких хрупких навыков, который так же легко утратить, как и очень трудно возродить. Еще Г. Гессе отметил очень симптоматичный факт: привычка к регулярному чтению книг в качестве массового явления разрушается *параллельно* с ростом сети библиотек и ростом массы книжной продукции. Труднодоступность создает ценнейшее ощущение «магичности» книги как целостного мира, как удивительного «окна», открывающего нам всегда новый взгляд и на мир внешний, и на наш собственный внутренний мир. На книгу как модель судьбы. Общедоступность убивает ценнейшую для нас «магию книги», без которой книга перестает быть судьбой и становится лишь «текстом» – носителем «информации» [2, с. 185].

В заключение стоит вспомнить об одной важной исторической аналогии.

Как известно, в апреле 1563 года по велению царя Ивана Грозного и по благословиению митрополита Макария, диакон церкви св. Николы Гостунского в Кремле Иван Федоров со своим помощником Петром Тимофеевым Мстиславцем начали работу над книгой «Апостол», которая была закончена в марте 1564 года. В послесловии к «Апостолу» печатники сообщали, что эта книга издана для «украшения» новых храмов, построенных в Москве и Казани. В Москве Иван Федоров выпустил всего две богослужebные книги: «Апостол» и «Часовник» (в двух изданиях). Но затем он вынужден был покинуть Московскую Русь и переехать в Русь Литовскую, сначала в Заблудов, затем в Острог и во Львов. Обычно считается,

что покинуть Москву Федорову пришлось из-за противодействия «консервативно настроенного» духовенства. Впрочем, под этим «консерватизмом» почему-то подразумевается вещь вполне современная – а именно, боязнь переписчиков книг остаться без заказов. Однако роль столь приземленных мотивов явно если не целиком надумана, то уж очень преувеличена – ведь книгопечатание было с самого начала особым «делом Государевым», перечить которому тогда никто бы не посмел. Но в некоторых свидетельствах того времени мы встречаем и истинную причину такого внезапного неприятия печатных книг – причину чисто духовного порядка, которую, к сожалению, будет не очень легко понять современному человеку. Тем не менее, ее нужно знать. Так вот, эта причина состояла в том, что сам процесс *бездушного тиражирования* Слова Божьего с помощью мертвой машины, а не живой человеческой руки (а также и без сопровождения непрестанной умной молитвы), – именно это вызвало поистине мистический ужас у тогдашнего человека. Именно поэтому Федоров был назван «колдуном» – и это был вовсе не злобный навет, но совершенно искреннее выражение упомянутых чувств у людей тех времен, времен почти всеобщей праведности.

Но дух оказался сильнее механической буквы – и уже очень скоро к печатным книгам привыкли. Однако, тем не менее, самые заветные свои мысли и молитвы человек все равно продолжал записывать от руки и по сей день. От руки пишутся дружеские письма и стихотворения. Что будет, если написать письмо любимому человеку на клавишах и распечатать его на принтере? Это будет воспринято как тяжкое оскорбление и пренебрежение. Такова «магия» живого текста – и она будет всегда. И тем, чем в свое время книга стала для живого текста, ныне для книги становится электронный текст. В свое время человек победил книгу силой своего духа, ныне точно так же он победит и Интернет. Но, в отличие от последнего, без книги уже никогда не обойтись.

Подводя итог, можно сделать следующие обобщающие *выводы*.

1) Книга сохраняет особую «магическую» функцию в культуре не только благодаря своему сверхэмпирическому воздействию на психику и экзистенцию человека, но и как *особое, ничем не заменимое средство смысложизненной рефлексии, выступая в качестве «органа» целостного осмысления бытия*. В то же время «ризомы» текстовых массивов Интернета в этом отношении

действует на человека прямо противоположным образом, формируя у него дезинтегрированное «мозаичное» сознание. 2) Книга как целостный духовно-материальный феномен выступает в качестве «органа» человеческой судьбы: «Книга есть символ судьбы, поскольку замкнута на себя и открыта Другому». 3) Книга как уникальная целостность выступает в качестве модели значимых человеческих отношений; в то же время сам факт «общедоступности» текстов в Интернете разрушает благоговейное, по настоящему серьезное отношение к культуре.

Перспективы дальнейших разработок рассмотренной нами проблемы состоят как в ее эмпиризации (психологические и социальные аспекты общения человека с книгами и Интернетом), так и в более углубленной философской рефлексии антропологии чтения и метафизики Книги.

Литература:

1. *Бодрияр Ж.* Символічний обмін і смерть. – Львів: „Кальварія”. 2004. – 312 с.
2. *Гессе Г.* Магия книги // Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С.179-191.
3. *Дьяков А.В.* Гностицизм и маргинализм: продолжение традиции или паразитирование? // Журнал «Точка перехода» // <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/diakov01.htm>
4. *Еко У.* Чи поглине комп'ютер книгу? // Книжкова тека. – Львів. – 1997. – 30 серп. – С. 4.
5. Заменил ли Интернет книгу? // Литературная Россия. – № 48. – 01.12.2006. – С. 3-4.
6. *Зубрицька М.* Номо legens: читання як соціокультурний феномен. – Львів: „Літопис”, 2004. 352 с.
7. Интервью с Б.Акуниным // <http://guest.yandex.ru/index.xml?id=263&typeid=34&mid=47625>
8. *Клодель П.* Философия книги // Человек читающий. НОМО LEGENS. Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества. – М.: Прогресс, 1983. – С. 158-171.

9. *Ли Хант*. Фрагменты эссе и статей // Корабли мысли. Зарубежные писатели о книге, чтении, библиофилах. – М.: Книга, 1980. – С. 119-132.
10. *Нодье Ш.* Библиоман // Нодье Ш. Читайте старые книги. Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении. – М.: Книга, 1989. – С. 44-61.
11. *Носов М.И.* Заменит ли Интернет книгу? // http://www.novokuybishevsk.ru/lib/Periodika/Slova9_03.htm
12. *Ремизов М.* Модернизация против модернизации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сб. – М.: АСТ, 2004. – С. 201-235.
13. *Эко У.* От Интернета к Гуттенбергу // <http://spectator.ru/texts/frominternet>
14. «Это убьет то» // http://spectator.ru/internet/this_will_kill_that